

ДЕВЯНОСТЫЕ

...С 1983 года я в Москве. Так и живу: закончил Одессу, поступил в Ленинград, закончил Ленинград, поступил в Москву, где и учусь уже всю жизнь. Когда сейчас получаю записки: «Расскажите, как вы жили?» — удивляюсь. Жил неплохо. Человек вообще не знает, как он живет, пока не узнает от других. Я и не знал, что можно печататься в газетах, в журналах, выпускать книги, выступать по телевидению, что-то узнавать из собственных ответов. Я немного жил, немного писал, немного читал, кто-то начал записывать, кто-то — переписывать. Ну и что? И когда мне говорят: «Неужели вы не понимаете?» — я думаю, думаю и не понимаю...

ЧЕЛОВЕК

Человек может работать потрясающе и бесконечно.

От рассвета и до заката. Становясь все красивее.

Человек в одиночку может строить дом, возделывать сад, цветы, овощи, добывать материалы, перевозить их на себе.

О! Как он может работать, строя себе дом, баню, огород!

Весь день будут слышны визг его тележки, врез топора, скрежет труб.

Один в бесконечном труде.

От вырастания дома, от вырастания сада, от вырастания животных, от бесконечного труда он становится все лучше, все нечувствительней к усталости, все интеллигентней.

И тут его начинает желать земля. Цветы отдаются только ему.

У плохого человека они не цветут.

Деревья признают его руку, животные идут на его голос.

А он уже не боится металла, не боится машины. Кран, труба, поршень становятся родными.

Руки начинают чувствовать металл, гайку, сгиб и могут повторить как было и повернуть по-новому, сделать воде удобно и сделать крыше удобно, и фундаменту сухо, и дереву влажно.

Руки становятся очень твердыми и очень чувствующими.

Тело — не так сильным, как приспособленным.

Когда можешь поднять то, что захочешь, и верно оцениваешь вес.

Руку точно продолжает топор, ключ, мастерок.

Все отполировано. Рукоятка входит в пальцы без зазора.

Сильны те мышцы, что нужны для работы.

Может даже выпирать живот от обильной рабочей еды.

Он не мешает.

У хорошего хозяина он есть всегда.

Вначале пропадает брезгливость, потом уходит усталость, потом раздражение, и появляется техника.

Кельма, полутерка, сокол приросли к рукам, голова освобождается от того, что делаешь, место тактики занимает стратегия.

Ты уже можешь осуществлять идеи.

Сначала чужие, потом свои.

Новая работа начинается с расспросов.

Всегда найдется человек, который что-то подобное делал.

Человек человеку — совет, способ и инструмент, и все становится понятным, все возможным.

Все распадается на простое. Кто делал — не со-
врет.

А то, что ты делаешь для себя, будет стоять,
пока ты жив.

С твоей смертью начнет умирать все, что ты
поднял.

И никакие дети его не спасут.

Оно может умирать медленно, но умирать бу-
дет, пока кто-то не расспросит людей и не начнет
сначала.

И снова пройдет все пути развития: незнание,
знание, брезгливость, усталость, раздражение, уме-
ние, техника и красота.

Твои животные родят ему детенышей, твой дом
покажет ему себя, вода потечет снова, его оставят
усталость и сон.

Он будет строить для себя, чтоб отдохнуть,
чтоб поспать, чтоб подумать на старости лет, но
ни спать, ни размышлять в покое уже никогда не
будет.

Всё, как и дети, уходит вперед, ничто к тебе не
вернется в старости.

Лишь люди будут у тебя учиться и запомнят
тебя.

И странно. Всем, что ты создал, ты не восполь-
зуешься никогда.

ТАМ ХОРОШО, ГДЕ НАС НЕТ

Спасибо вы знаете кому, видимо Горбачеву. Мы впервые проверили, действительно ли там хорошо, где нас нет...

— Да, — сказали мы, — очень хорошо!

И хорошо, что нас там нет, иначе было бы хуже.

Где мы есть — там плохо.

Нам плохо всюду. Это уже характер.

Все спрашивают, почему мы мрачные.

А мы мрачные, потому что плохо там, где мы есть.

А оттого что мы там есть, становится еще хуже.

И мы вывозим свою мрачность через мрачную таможню и привозим туда, где нас нет.

«Нет счастья в жизни», — написано у всех на левой груди и подпись: «Жора».

«Иду туда, где нет конвоя», — написано у всех на правой ноге, поэтому мы и расползаемся.

Оказывается, Жора, нигде в мире нет блатных песен. Это же уму непостижимо!

Это же отсутствует целая литература.

Фольклора нет. Народы молчат.

Это же, оказывается, только у нас.

Половина в тюрьме. Половина в армии.

Отсюда и песни. Оттуда и публика.

Сплошь бывший зэк или запас.

Крикни на любом базаре: «Встать! Смирно!
Руки за голову!» — посмотри, что будет.

Половина сидит, половина охраняет, потом меняются.

А те, что на свободе, — те условно, очень условно.

На синем женском теле прекрасные голубые слова:

«И если меня ты коснешься губами, то я умерла бы, лаская тебя!»

Это о любви.

До сих пор основная масса узнает законы жизни из татуировок и блатных песен...

А у них этого нет. Откуда они узнают, как жить?

Даже этого нет: «Мимо тещино дома я без шуток не хожу».

Частушек нет. Мата нет!

Как у них грузовик задом подает?

Это все мы для них везем с собой.

С молоком матерным впитали и везем.

Усилитель речи. Чтоб нас услышали, мы говорим не громче, а хуже!

Правило «Там хорошо, где нас нет» — в основном верное.

Хотя ребята прибежали — есть места, где нас нет, а там все-таки не очень хорошо.

И населения тоже много, и оно все хитрое, и тоже себе думает: «Там хорошо, где нас нет», — и сюда смотрит.

Сюда смотреть не надо. Мы знаем, как здесь.

Но если их здесь нет, а все равно плохо, может, кто-то из них все-таки здесь есть?

Так же как кто-то из нас там... хотя проверяли, и морды били неоднократно, чтоб точно — вас здесь нет, нас там нет.

Однако нехорошо и тут и там.

Но таких мест очень мало.

И основной закон они не опровергают, только усложняют доказательство.

Поэтому опять повторяю неоднократно.

Приезжая туда, не делайте вид, что вас там нет!

Вы там есть!

А вот здесь вас уже нет.

И от этого здесь может неожиданно стать лучше.

Но вы этого уже не увидите.

Так что каждый думает сам. Хотя делают вместе.

БОЯТЬСЯ НЕ НАДО!

Ну вот прошел еще один год. Опять доверились и опять опоздали.

— Как ваше мнение?

— А черт его знает.

— Что может быть?

— Все может быть.

— Что делать?

— Давай так: страх испытывать можно, а бояться не надо.

Хватит цепляться за эту жизнь. Как мы убедились — в ней ничего хорошего. Несколько раз вкусно, несколько раз хорошо. И это все.

Любое правительство либо нас сажает в помой, либо мы его сажаем туда. То есть оно нами руководит оттуда. И даже не руководит, а посылает и отнимает.

Что там было в этой жизни? Я вас спрашиваю, что там было в этой жизни... Много разной водки, поэтому ничего вспомнить невозможно...

— Миша, как, вы меня не вспоминаете? Мы же в поезде литра три выпили...

— Поэтому и не вспоминаю, сынок.

Ибо, как радость, мы пьем истово, до состояния

ликования; как горе — пьем до состояния заглупления...

Да. Этого жалко. Водки с друзьями жалко. Водки на кухне, беседы рот в рот жалко. Любви на подоконнике жалко. Это только мы, это только у нас: лампочку в парадной хрясь и любишь, как ротный старшина, как бездомный кот, горящий изнутри. Любви жалко, выпивки жалко. Возвращений. Блудных следов своих путаных с другом вдвоем мокрым утром туманным, нелетным, милицейским жалко...

Снега жалко тихого в лесу, шапочки меховой и личика под ним румяного, глазастого, переходящего в ножки нежные, скрытые под джинсовым панцирем...

Жалко. Да... За всю жизнь, за все годы, за все жизни моего деда, прадеда, отца, отчима, второго отчима и меня — ни одного толкового правительства.

Оно что, присуждено? Оно что, там глубоко наверху решено, что мы должны мучиться?

Клянусь, из взаимоотношений с властью вспомнить нечего. Ну нечего! Отнять и послать. Послать и отнять. И из нас же! Из нас же!.. На моей жизни, из того, что я помню, никогда не мог сказать, что эта компания откуда-то приехала. Ну рожи прошлые мы же все помним! Ну, еще раз напряжемся: рожи, те, что у киоска с утра, те и там, наверху. Как эти не могут двух слов связать, так и те. Эти — глаза маленькие, лицо большое, идей нет, и те — глаза маленькие, лицо большое, идей нет... Эти думают, чего бы с утра, и те... Ни разу никто не сказал пра-